

В. С. КИРИЧЕНКО, НТУ «ХПИ»

МЕТАФОРЫ СОВРЕМЕННОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Данная статья затрагивает проблемы метафоризации политического дискурса в современном обществе.

This article touches upon one of the most interesting and exciting part of political discourse in modern society.

Изучение особенностей функционирования метафор в политическом дискурсе является одним из относительно новых, но активно развивающихся направлений современной лингвистики. Его зарождение принято связывать с появлением знаменитой статьи Дж. Лакоффа «Метафора и война», в которой автор вскрывает и анализирует сложную метафорическую систему, использовавшуюся американскими властями для оправдания военной операции против Ирака в 1991 г.

Разумеется, политика и метафора были связаны между собой еще со времен античности в области ораторского искусства. Однако, в европейской лингвистической традиции, начиная с младограмматиков, метафора стала рассматриваться как один из распространенных механизмов семантического развития лексических единиц – наряду с метонимией, гиперболой, литотой и др., тем самым прочно заняв свое место в кругу сугубо языковой проблематики.

Современное сближение метафоры и политики, происходящее на фоне бурного развития когнитивных исследований, связано прежде всего с переосмыслением самого понятия метафоры и ее роли в организации понятийной системы человека. Отказ от алгоритмического принципа моделирования человеческого мышления, признание огромной роли аналоговых механизмов в когнитивных процессах обусловили принципиально новый взгляд на метафору. Метафора перестает быть исключительно языковым явлением: постулируется существование так называемых «концептуальных метафор», структурирующих восприятие, мышление и деятельность человека, по отношению к которым собственно языковая метафора является лишь способом их манифестации. Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона становится одним из ведущих направлений когнитивной лингвистики, вызвавшим целый всплеск написания работ по изучению метафоры как когнитивного феномена, в том числе ее роли в организации политического дискурса.

С другой стороны, современный интерес к исследованию метафорики политического дискурса, несомненно, поддерживается всей традицией изучения языка политики, опирающейся на работы Лассвелла, работы французской лексикологической школы, исследования Т. Ван Дейка, К. де Ландтшир и др.

Исследование политической метафоры можно рассматривать как своеобразную точку пересечения отмеченных выше направлений – теории концептуальной метафоры, с одной стороны, и изучения языка политики, с другой. Это формирует характерный для настоящего времени взгляд на политическую метафору как на тонкий инструмент конструирования, поддержания или изменения глубинных политических смыслов. Анализ политической метафоры при этом рассматривается как ключ к истолкованию и, возможно, предсказанию социально-политических тенденций в обществе. Выявляются корреляции между характером используемых метафор и особенностями политической ситуации, а также культурная обусловленность политических метафор.

Настоящее исследование посвящено анализу метафорических систем, используемых в современном украинском внешнеполитическом дискурсе (на материале публикаций газеты «Известия» за 2000-2001г.). При этом, в соответствии с принципиальным положением теории концептуальной метафоры рассмотрению подверглись не только и не столько так называемые «живые» метафоры (т. е. языковые выражения, намеренно и осознанно использованные для создания образного эффекта и воспринимаемые читателем в качестве таковых), сколько неосознаваемые, «стертые» метафоры, так как именно последние отражают конвенционально закрепленные способы языковой концептуализации мира, в данном случае – области международных отношений.

Даже беглый обзор публикаций выявляет большое разнообразие метафор, используемых для структурирования области внешней политики. Однако, по-видимому, центральной, повсеместно встречающейся является известная метафора «Государство-как-человек», в соответствии с которой государствам приписываются определенные, присущие людям, черты характера и манеры поведения в отношениях между собой. Так, собранный материал свидетельствует о том, что государства могут *задавать тон, подстраиваться, флиртовать, жить в ссоре, выражать обеспокоенность, перевоспитывать, торговаться, отмалчиваться, заставлять нервничать, приводить в замешательство, оказываться в гордом одиночестве, вести диалог, шантажировать, осуждать, укреплять, портить и т. д. отношения, мыслить, сознавать, консультироваться, хлопать дверью, уговаривать, критиковать, обращаться с просьбой, быть недовольными, несговорчивыми и т. д., проявлять скепсис, желать напугать, вбивать клин, преподносить сюрприз, тягаться друг с другом и даже осуществлять*

наезды на болевые точки другого государства! (Понятно, что этот список в принципе вряд ли может быть конечным.)

Отношения между государствами строятся по различным моделям социальных взаимоотношений: *друзья, соседи, родственники (братья, сестры, супруги), враги, партнеры* и т. д.

Сравним:

«Просто мы должны быть уверены, что какой-нибудь компьютерный “бзик” или прочая “недобрая воля” (например, радиоэлектронный терроризм) не приведут к *дуэли* двух ядерных держав» (03.06.00);

«На основных стратегических направлениях своей внешней политики – Европа и Дальний Восток – США столкнулись с неожиданными трудностями. “*Медовый месяц*” <...> с Европой явно не удался» (19.05.01);

«Самоидентификация *славянского соседа* только начинается» (24.08.01).

Внешнеполитическая деятельность государства нередко осмысливается в терминах пути, например, устойчивые сочетания «основные *направления* внешней политики», «внешнеполитический *курс*». В то же время, можно заметить, что в других, свободных, контекстах, задействующих метафору пути, скорее всего, имеет место не непосредственная концептуализация внешнеполитических тенденций через метафору «Политика-как-путешествие», а как бы двухступенчатая метафоризация: сначала государства осмысляются как люди, а затем поступки людей структурируются в терминах пути. Сравним:

«В этом контексте вопрос – куда *пойдет* Украина, – для США отнюдь не праздный» (06.06.01);

«Главный предмет обсуждения – как далеко *зашла* Украина на своем пути в Европу» (16.05.01);

«Разговоры о том, что США могут *уйти* из Европы, совершенно нелогичны» (06.06.01);

«Пока мы определяемся и раздумываем, новый мировой порядок укрепляется, отводя нам очень скромное место на *обочине*» (05.03.01).

В гораздо более широком масштабе подобную «двухступенчатую» метафоризацию можно наблюдать тогда, когда внешнеполитическая деятельность и международные отношения концептуализируются через категории пространства и понятия, непосредственно связанные с перцептивным опытом человека. Как известно, согласно одному из центральных догматов когнитологии, перцептивный и моторный опыт первичен для человеческого сознания и играет огромную роль в осмыслении человеком мира в целом, осуществляя концептуализацию нематериального в терминах привычного физического взаимодействия. Поэтому неудивительно, что человеческие взаимоотношения традиционно описываются с помощью таких оппозиций, как: *близкий – далекий, теплый – холодный, открытый – закрытый, жесткий/твердый – гибкий/мягкий, резкий – мягкий*, а также

понятий *острый (конфликт)*, *тесный (связи)*, *натянутый*, *напряженный*, *прозрачный (отношения)* и т. д. Легко видеть, что использование данных категорий для представления особенностей человеческих взаимоотношений является не чем иным, как концептуальной метафорой, так как соответствующие слова в своих первичных значениях обозначают определенные физические свойства предметов и особенности их пространственного расположения (постигаемые органами чувств).

При этом некоторые метафоры могут иногда разворачиваться в целые метафорические сценарии:

«Кто-то собирается *закрываться* от всего мира на противоракетные “засовы”, а кто-то готов *распахнуть все двери*» (03.06.00).

Аналогично, оппозиция *близкий – далекий* может подразумевать сценарий *сближения позиций*, поиска *точек соприкосновения* или, наоборот, сценарий *расхождения, удаления*; оппозиция *теплый – холодный* может «вызывать» сценарий *потепления отношений*, или наоборот, *похолодания* с сопутствующими «*большей прохладой* в отношениях» (28.03.01), «*холодным* душам» (03.03.01) и «сползанием к “*холодной войне-2*”» (23.03.01).

Члены перечисленных выше оппозиций можно условно объединить в две группы – соответственно «хорошие» (т. е. *близкие, тесные, теплые* и т. д.) и «плохие» отношения. При этом в обеих группах можно наблюдать определенную внутреннюю согласованность, обусловленную физическими свойствами соответствующих объектов (т. е. сферы-источника). Так, в первой группе физически связанными являются такие качества предметов, как *крепкость* и *прочность*, *мягкость* и *гибкость*. *Тесное* расположение объектов предполагает их *близость* друг к другу. *Тесное* расположение людей (например, в переполненном транспорте) создает эффект *тепла*. *Открытость* объекта (например, дома или двери) предполагает возможность сокращения расстояния, более *близкого* ознакомления (ср. «*окно в Европу*», «*прорывная инициатива*» (20.08.01)). Во второй группе *натянутый* хорошо коррелирует с *напряженным*; *острый, резкий и жесткий* обозначают схожие ощущения; *жесткость* предмета предполагает его *твердость*, а выражение «*железный занавес*» вызывает ассоциативный ряд *закрытый, холодный, жесткий*. Таким образом, налицо внутренняя упорядоченность и когерентность перцептивных и пространственных метафор, используемых для концептуализации человеческих отношений.

Итак, концептуализация внешней политики государства через физические свойства предметов связана с последовательной активизацией двух типов метафор. Одна предполагает осмысление человеческих отношений (сфера-мишень) в терминах категорий перцептивного и моторного опыта (сфера-источник). На следующем этапе другая метафора использует человеческие взаимоотношения уже в качестве сферы-источника для концептуализации области международных отношений (сфера-мишень).

В результате такой «двухступенчатой» метафоризации, столь сложная область, как международные отношения, получает истолкование в базовых, привычных каждому человеку с детства категориях моторного и перцептивного опыта.

Список литературы: 1. *Баранов А. Н.* Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1994. – 346 с. 2. *Слово в действии.* Интен-анализ политического дискурса: [антология / упоряд. Т. Уша, В. С. Кова, Н. Павлова]. СПб., 2000. – 240 с. 3. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2003. – 358 с. 4. *Будаев Э.* Метафора в политическом интердискурсе / Э. Будаев, А. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2006. – 217 с.

Поступила в редколлегию 26. 05. 09

УДК 623.438

Ю. Ю. КОШКАРОВ, канд. техн. наук, НТУ «ХПИ»

ВИРОБНИЦТВО ТА ВТРАТИ ОЗБРОЄННЯ ТАНКОВИХ ВІЙСЬК У ПЕРІОД 1941-1945 рр.

У статті проведений аналіз виробництва та втрат танків у роки Великої Вітчизняної війни та показаний внесок промисловості у перемогу над ворогом.

The article is described conducted analyze of production and loses of tanks in the years of Great Patriotic war and shown payment of industry in victory over an enemy.

Уроки історії свідчать про те, що неможливо досягти перемоги над противником без використання різномірних видів озброєння та бойової техніки. Без глибокого засвоєння історичного досвіду, уроків Великої Вітчизняної війни неможливо осмислити сутність тих явищ та процесів у справі розвитку бронетанкових військ та їх озброєння, які існують у теперішній час, а тим більш прогнозувати основні напрямки розвитку їх у майбутньому.

Війни початку ХХ століття показали, що досягти стратегічної мети можливо лише при високому оснащенні військ різномірними видами озброєння та техніки. Вже в ході першої світової війни з'явилися на полях бойовищ літаки, автоматична стрілецька зброя, і як новітній на той час засіб збройної боротьби, танк. Він допоміг вирішити проблему виходу з позиційного тупика та забезпечив можливість проривати глибоко ешелоновану оборону противника. Цей факт надав змогу військовим теоретикам ідеалізувати роль техніки у війні. Англієць Дж. Фулер стверджував, що війна на 90% залежить від зброї, а інші фактори – стратегія, керівництво, мужність, дисципліна, постачання запасів матеріальних засобів можуть дати лише один відсоток воюючим арміям [4]. У свою чергу